

УДК 394.2(571.53)(091)

Динамика праздничного досуга горожан Иркутской губернии второй половины XIX в.: традиционные народные календарные праздники

Н. И. Гаврилова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье рассматриваются модернизационные процессы трансформации праздничного досуга горожан Иркутской губернии второй половины XIX в. Проводится анализ форм и содержания традиционных народных календарных праздников в различных социальных средах.

Ключевые слова: праздничный досуг, праздник, модернизационный процесс, города Иркутской губернии.

Важная роль в рамках праздничного досуга горожан Иркутской губернии второй половины XIX в. принадлежала традиционным народным праздникам, связанным с земледельческим календарем. В отличие от государственных и церковно-приходских их влияние на общественный быт основной массы населения городов губернии было существенно большим [4; 5, с. 164–204].

Годовой цикл начинали крупные зимние праздники. Вторая половина XIX в. стала периодом формирования единого светского праздничного пространства, объединяющего рождественские, святочные и новогодние торжества и увеселения, проходившие с вечера 24 декабря по 6 января, в период с Рождества до Крещения. К началу XX в. праздничные мероприятия концентрируются вокруг Рождества Христова (25 декабря) и Нового года (1 января).

Роль Рождества определялась его положением одного из важнейших христианских праздников, а потому религиозной стороне традиционно придавалось серьезное значение. Как и в начале XIX в., в рассматриваемый период «накануне Рождества, т. е. в сочельник, не ели ничего до звезды, и уже вечером пили чай и ужинали... Праздник Рождества начинался духовными обрядами: ходили к заутрене, к обедне; после обеда ездили с мужьями и детьми к родителям и принимали у себя гостей» [1, с. 33].

Бытовавший еще в середине XIX в. обряд славить Христа в первые три дня после Рождества, столь любимый детьми «всех званий», в мемуарах иркутян начала XX в. не упоминается, зато к этому времени широкое распространение получил обычай наряжать за день до Рождества елку [3, с. 464; 20, с. 85; 28, с. 54–55]. Уже в конце 1880-х гг., через тридцать с небольшим лет после появления этого обычая в Иркутске, елку называли новогодней. В последней трети XIX в. в губернском центре популярность завоевал праздник новогодней

елки в воспитательных, учебных и благотворительных заведениях. С конца XIX в., с некоторым опозданием от губернского центра, традиция устройства новогодних елок в учебных заведениях получает распространение и в малых городах губернии.

Во второй половине XIX в. расширяется социальная среда и изменяется характер бытования Нового года. Из полуофициального общественного торжества, отмечавшегося в основном в «благородном обществе», Новый год превращается в праздник семейный, входя в дома средних и, частично, низших слоев городского общества. Сохранялось и общественное празднование Нового года в общественном собрании, в дружеских компаниях, порой объединенных членством в добровольном обществе.

В течение праздничного периода, главным образом с начала января, в общественном собрании и учебных заведениях Иркутска проходили новогодние костюмированные вечера, продолжавшие традиции вольных маскарадов середины XIX в. в сибирских городах. Русские пляски на них окончательно были вытеснены вальсами и французской кадрилию. Интересно отметить, что уже в начале XX в. такие вечера живо реагировали на общественно-политическую жизнь города. Так, в начале 1906 г. среди мелькавших на костюмированном вечере в общественном собрании масок были и маски «злободневного политического характера», в том числе на исполняющего должность генерал-губернатора К. М. Алексева [22, с. 286].

В малых городах губернии распространение празднования Нового года шло медленнее, проведение костюмированных вечеров фиксируется лишь с конца XIX в., после появления в городах общественных собраний и клубов; большее значение, нежели в Иркутске, сохраняли традиционные святочные увеселения.

Открытое недовольство празднованием Нового года вызывало у представителей церкви, отстаивающих прежде всего религиозный характер рождественских, а также святочных дней. Церковные иерархи активно протестовали против цирковых представлений на Рождество и в период Святков. Начиная с 1863 г. на страницах газеты «Иркутские епархиальные ведомости» в начале января часто печатались нравоучительные статьи, призывающие к «отстранению от обычного веселья», «к обузданию страстей, к исполнению обязанностей и к живой вере в Бога» [10]. Церковь пыталась представить празднование Нового года в качестве греха, вызывающего Божью кару. Доводами служил пожар близ Знаменского монастыря, начавшийся вечером накануне нового 1861 г., землетрясение в конце декабря 1862 г. По настоянию архиепископа Парфения и по указанию генерал-губернатора М. С. Корсакова новый, 1863 год, Иркутск встретил без «обычной веселости», замененной 1 января 1863 г. «крестным покаянным вокруг города ходом».

Отмеченный в первой половине XIX в. для Сибири в целом светский характер празднования Святков [14, с. 26] во второй половине XIX в. находит все большее подтверждение; традиционные народные обряды и обычаи теряют ритуально-магическое значение, снижается их роль и объем в самой структуре праздника.

В 1850-е – начало 1870-х гг. характерной чертой Святков, во время которых не устраивалось публичных игрищ, являлись сборы молодежи в одном из семейных домов, где плясали парами (часто кадрили «восьмерку») под песни, скрипку, балалайку или, чуть позже, гармошку. После танцев начинались игры с песнями. В этот период каждое время года или праздник имел свои игры. Как писал Н. Щукин, «по миновании... сроков продолжение игры считалось если не грехом, то уж безусловно неприличием. Святочные игры начинались с первого или второго дня Рождества и заканчивались Крещенским сочельником» [30, с. 12].

Увеселения праздничных дней конца декабря – начала января проходили на льду Ушаковки и Ангары. Полиция расчищала площадку, где устраивались «испытания лошадей в возке тяжестей в 300 пудов», бега иноходцев.

Устойчивостью форм вплоть до начала XX в. отличался обычай ряжения и визитов «маскированных», хотя, по сути, он принимал уже черты светских маскарадных увеселений локального межличностного характера.

Более быстрыми темпами эволюция праздника шла в чиновничьей, частично купеческой среде. Уже с конца 1840-х гг. традиционные святочные игры нередко заменялись в этом кругу французской кадрилию.

В низших и, частично, средних слоях городского общества святочные игры и особенно хороводы с пением старинных песен и неизменными поцелуями сохранялись дольше. И в конце XIX в. святочные дни в этой среде отмечались «довольно весело, с выпивкой» и разнообразными «инцидентами, итогом которых были изувержения и искалеченья», «повязки на лицах и руках» [6]. Большой традиционализм формы святочных игр сохраняли в малых городах. Так, в Балаганске «за отсутствием более приличных развлечений маскирование в большой моде, этим занимаются целыми семействами, как взрослые, так и дети» [26].

К концу XIX в. прекратила свое существование традиция хождения по домам с вертепом, широко распространенная в Иркутске в первой половине XIX в.; менялось отношение к святочным гаданиям, в значительной степени превращающимся в несерьезную забаву; отходили постановки популярных народных драм «О царе Максимилиане...», «Царь Ирод...» и др. [1, с. 33–39; 3, с. 274; 16, с. 13–14]. На смену им пришли праздничные спектакли в городском театре, представляющие формы профессионального искусства, а также балаганы, заимствованные из форм европейского городского праздничного досуга. Полные сборы давали представления заезжих циркачей и фокусников. Еще в ноябре 1868 г. в построенном иностранцем Сулье на Военной площади Иркутска большим здании цирка проходили «конные ристалища» и другие представления. В 1876 г. на рождественские праздники он же привез в Иркутск труппу японских акробатов и фокусников, дававших представления в городском театре.

Новационной чертой стало появление форм праздничного времяпрепровождения, вызванных ростом общественной активности. Общественное звучание приобретала давняя традиция благотворения в дни христианских праздников. С начала 1860-х гг. Иркутский благотворительный комитет выступил инициатором проведения ежегодных рождественских и новогодних (проходили с 27/28 декабря по 3/5 января) лотерей-аллегри и благотворительных маскарадов-

базаров в благородном собрании и/или городском театре в пользу беднейших жителей города или отдельных благотворительных заведений. Выручка доходила до 4 тыс. руб. С конца 1870-х гг. благотворительные балы-базары (иногда костюмированные) устраивали и иркутские культурно-просветительные общества, в том числе Общество вспомоществования учащимся в Восточной Сибири. В практику высшего света Иркутска вошли благотворительные сборы взамен визитов. В 1880-х гг. такие сборы составляли 800 руб. и более.

В малых городах губернии распространение получили театральные постановки силами любительских коллективов (в Нижнеудинске с 1881 г., в Киренске с конца 1880-х гг., в Балаганске с 1890-х гг.).

Период зимних праздников завершался Масленицей. В 1860-х гг. она проходила бурно. Генерал-губернатор М. С. Корсаков в письме к матери отмечал: «Теперь масленица, и город кипит жизнью, постоянно то вечера, то катанье с гор, то театр, то маскарад... 1 марта – премилый “бал-костюм” у Извольских» [17, с. 10].

Катушки или ледяные горы строились на льду Ангары и на Тихвинской площади, выступавшей одним из главных мест проведения досуга и общественных развлечений. Там же располагались расписные качели, балаганы, давали представления бродячие артисты, силачи, гадалки, вожаки медведей. Наплыв бродячих трупп способствовал развитию зрелищного площадного искусства. В 1902 г. на Тихвинской площади первый раз в городе была устроена венецианская карусель и привезен африканский зверинец.

Традиционно на льду Ангары, как и в период зимних календарных праздников, устраивались рысистые бега, на которых купцы щеголяли друг перед другом своими великолепными заводскими лошадьми.

Вторая половина XIX – начало XX в. стали периодом постепенного отмирания масленичных гуляний. Если в первой половине XIX в. для большинства горожан было утрачено древнее магическое значение традиционных масленичных увеселений, прежде всего катаний [15, с. 127], то во второй половине XIX в. обнаруживаются черты ухода из общественного быта самой традиции ее широкого празднования. В 1890-х гг. в Иркутске масленица «проходила не очень значительно и не весело», теряя «разудалое паясничество карнавальское» [2, с. 250, 261]. Уже к концу 1860-х гг. отошли в предания популярные некогда в Иркутске кулачные бои, катания «госпожи Масленицы». Повальные гуляния из дома в дом и пения по улицам перекочевали в деревни, хотя и в конце XIX в. бытовал обычай пить и есть без ограничения, переходить группами из дома в дом.

Почти исчезнувшим к концу XIX в. элементом масленичных гуляний оказались катания по улицам на тройках и парами с колокольчиками. А ранее переходить вечером через главные улицы Иркутска можно было только «с риском быть помятым». Случались и трагедии. Как писали в 1869 г. «Иркутские епархиальные ведомости», «какие-то вакханты с вакхантками, несясь по улице во весь опор на тройке..., зацепили ребенка, стоящего на улице и волокли его несколько сажень... Ребенок умер. Случай, не единственный в Иркутске в минувшую масленицу» [11].

В малых городах губернии традиции были очень устойчивы. На протяжении рассматриваемого периода катушки и катания на лошадях выступали обязательными элементами масленичных гуляний.

«Сколь шумны... последние дни праздника, – писал в конце 1860-х гг. Н. Щукин, – столь тих... чистый понедельник... Народ идет в церковь..., возвратившись домой, садятся за постный стол из грибов и овощей» [30, с. 15].

С завершением Великого поста, в течение которого увеселения запрещались, начиналась Пасха, важнейший христианский праздник. Как правило, она проходила не ранее 22 марта и не позже 25 апреля. Первый день Пасхи обычно стремились провести благочестиво. После обедни иркутяне по традиции любили подниматься на колокольни посмотреть на город и окрестности.

Непременным атрибутом этикета пасхальных дней в Иркутске, как и в других крупных городах Сибири, являлись взаимные визиты, подобные рождественским и новогодним.

С 1860-х гг. начинает оформляться частнопредпринимательский сектор, занимавшийся устройством популярных городских развлечений. В 1857 г. на площади были устроены качели разных видов, деревянные горы, с которых скатывались по деревянным рельсам в небольших колесных повозках. Особое оживление и интерес вызывала горизонтально-вертящаяся двухэтажная карусель Кербера на платформе, имитирующая поезд. В 1897 г., в период строительства Транссибирской железной дороги, в Иркутске появился аттракцион «Железная дорога». Одним из предпринимателей вокруг всей площади были проложены рельсы и пущен в ход «поезд». Однако желающих кататься не оказалось.

С 1860-х гг. появляется и утверждается такая новая для Иркутска зрелищно-развлекательная форма гуляний, как балаганные представления. Вектор развития этой формы совпадал с общим направлением изменения подобных форм в России, но осуществлялся с заметным опозданием по времени от тех, что были реализованы в столицах. Если в последних, по данным исследований А. М. Конечного [12, с. 36], в 1860-е гг. балаганы, первоначально принадлежавшие иностранцам, переходят в руки местных купцов и мещан, то в Иркутске в это время только появляются первые цирковые балаганы иностранцев Радо и Сулье. С их легкой руки на Пасху в Иркутск начали приезжать из Европейской России труппы артистов, а с начала 1870-х гг. – китайские фокусники и акробаты, которых иркутская публика очень любила.

С конца XIX в. деятельность частнопредпринимательского сектора по устройству городских развлечений активизируется. Каждую весну иркутская городская дума рассматривала заявления «об отдаче мест на Тихвинской площади на время недели Св. Пасхи под устройство балаганов и проч.» [18, с. 499]. В конце 1890-х – начале 1900-х гг. городская управа вырубала за аренду ежегодно до 2 тыс. руб. и более.

Непременным дополнением пасхальных площадных увеселений была распродажа сладостей, минеральных вод, мороженого, вина, пива, водки и др. По сведениям полиции, в начале 1860-х гг. ежедневно на площади выпивалось до 60 ведер вина или водки. «Народ гулял, чтобы было, что вспоминать» [7; 25, с. 104, 139; 18, с. 498].

Как и во время зимних календарных праздников, пасхальные публичные увеселения вызывали недовольство церкви, стремящейся подавить светскую сторону празднеств. Постоянный протест духовенства вызывало устройство на площади, окруженной церквями, театров, цирка и т. п., что считалось оскорбительным для религиозных чувств верующих.

Пасхальные общественные увеселения являлись самыми грандиозными по масштабам среди других праздничных народных календарных гуляний, ярче остальных отразив общую их эволюцию. Исследование показало, что на протяжении второй половины XIX в. праздничные народные гуляния становились открытой системой, выступая элементом зарождающейся массовой городской праздничной культуры. Как было верно отмечено А. П. Шевыревым, они «показывали... собранные воедино традицию и новацию, народное и казенное» [29, с. 111]; впитывали в себя зрелищно-развлекательные традиционные формы народных календарных праздников, элементы европейского праздничного карнавала и балагана, великосветских развлечений; соединяли в себе народную традицию и профессиональное искусство; создавались на стыке аграрной и становящейся индустриальной культур.

С точки зрения состава участников пасхальные увеселения Иркутска второй половины XIX в. стали ярким выражением характерной в целом для России [19, с. 6] тенденции социального расслоения. С потерей относительной социокультурной однородности города, поддерживавшей близость форм календарных праздничных общественных гуляний в различных слоях городского населения [15, с. 153], постепенно утрачивалось коллективное начало праздничного гуляния.

Выбор форм досуга и развлечений представителями различных слоев городского населения, с одной стороны, населением губернского центра и малых городов – с другой, обуславливался социальной принадлежностью горожанина, его общественным положением, уровнем образования и доходов; при этом ярко выраженная сословная ориентация отсутствовала.

Среди «чистой» публики большее разнообразие отличало праздничный общественный досуг верхушки чиновничества и купечества. Наряду с общественными гуляниями значительное место принадлежало различным вечерам, концертам, посещению театра. Эволюция праздничного времяпрепровождения данных городских слоев шла в сторону снижения в ней доли традиционной обрядовости, присущей народным календарным праздникам, постепенного отказа от традиционных форм общественных гуляний и усиления тех, которые обслуживались профессиональным искусством. Уже с конца 1880-х гг. наблюдалась активизация устройства на пасхальной неделе музыкальных и танцевальных вечеров в зале общественного собрания, чаще организовывались концерты, комедии и водевили. Благотворительные общества организовывали лотереи-аллегри и базары, сборы пожертвований взамен визитов; проходили раздачи денег бедным из пожертвованных на этот случай капиталов. Данные формы становились неотъемлемой частью праздничного общественного досуга верхушки городского общества вне зависимости от характера народного календарного праздника, будь то рождественские, святочные, новогодние или пасхальные увеселения. Важно также подчеркнуть, что праздничный обществен-

ный досуг верхушки торгово-промышленных слоев города и чиновничества обнаруживал все большую тождественность форм, что было характерно в целом для Сибири [27, с. 230].

К общественным формам праздничного досуга, связанным с профессиональным искусством, тяготела также интеллигенция и демократическая часть городского населения, что продолжало обозначившуюся в середине XIX в. тенденцию их «постепенного приобщения к новым формам проведения досуга: театральным спектаклям, музыкальным концертам, маскарадам» [13, с. 16].

Для подавляющего же большинства горожан, стоящих на нижних ступенях социальной лестницы (городского крестьянства, нижних воинских чинов, ремесленников, большей части мещанства), в значительной степени формирующихся в результате притока в города крестьянства из деревень, общественные гуляния выступали важным средством приобщения к городской праздничной культуре (в первую очередь это касалось губернского центра).

Праздничный общественный досуг большей части этих слоев городского населения ограничивался гуляниями на площади. Согласно анкетным данным (1893 г.), объем праздничного времяпрепровождения работников ремесленных заведений определялся следующим образом. Среди тех, кто не уезжал на праздничные дни домой, наиболее распространенной формой праздничного времяпрепровождения являлось «ходить в церковь, гулять» (46,8 %), а также, не бывая в церкви (11 %), «ходить везде», причем при этом «разное бывало» [23]. Непременным атрибутом праздничного досуга этих слоев горожан выступало обильное потребление спиртного.

В конце XIX в. в связи с активизацией деятельности культурно-просветительных обществ праздничный досуг простолюдинов становится разнообразнее. В структуру праздников более уверенно внедряются элементы профессиональной культуры, входят общедоступные бесплатные чтения для народа. Однако распространение чтений как формы праздничного времяпрепровождения шло медленно. Стремление к культурному праздничному досугу в целом было нехарактерно для низших социальных слоев городского населения.

В малых городах трансформация праздничных форм на Пасхальной неделе шла замедленно, в большей степени затрагивая официально-торжественную часть, подчиненную административному регулированию. Изменения ставили целью усиление презентативности праздника. Наблюдалось увеличение зрелищных форм, особое внимание уделялось усилению торжественности мероприятий, рассчитанной на яркое эмоциональное восприятие. Так, «в Пасху 1914 г. в Нижнеудинске храм был снаружи иллюминирован плашками, фонарями, украшен транспарантами и флагами, блистал множеством огней, что привлекло необычайное количество молящихся из самых отдаленных частей города... Во время крестного хода были зажжены смоляные бочки, выпущен фейерверк и произведено множество выстрелов из пушек... На памяти прихожан такого пасхального богослужения еще никогда не было» [21, с. 86–87]. Массово-развлекательная часть празднования Пасхи в большей степени сохраняла традиционные формы, приближенные к сельским. При этом формы праздничного досуга в различных социальных средах малых городов отлича-

лись большим единством, нежели в губернском центре. К сельским формам проведения пасхальных праздников тяготели жители Верхоленска, а также население Илимска. Большой разброс форм общественных увеселений, приближавшихся к бытовавшим в Иркутске, наблюдался в Киренске и Нижнеудинске.

Вплоть до начала XX в. выбор форм праздничного общественного досуга в малых городах в значительной степени ограничивался отсутствием общественных собраний и клубов – одних из главных центров светских праздничных развлечений второй половины XIX в. Внедрение профессиональной культуры в пасхальный праздничный общественный досуг шло, главным образом, через постановки любительских спектаклей силами местной общественности (с 1880-х гг.).

Календарные праздники весенне-летнего цикла проводились более скромно. Как правило, официальная часть концентрировалась вокруг праздничного церковного богослужения и связанных с этим религиозных обрядов. Массовые общественные гуляния в этот период на городских площадях не фиксируются. Общественно-досуговая часть праздников проходила в подавляющем большинстве случаев на уровне межличностных контактов, редко выходя за рамки семейного и личного быта. На уровне семейных и межличностных контактов проходили гуляния 1 Мая, связанные с представлениями о весеннем пробуждении природы. Более организованные формы празднования отличали высший свет Иркутска. В 1870-х гг. более 500 человек местного общества собирались в особняке иркутского купца П. А. Сиверса, устраивавшего светский праздник встречи весны.

В начале июня уличная жизнь Иркутска затихала: начинался дачный сезон. Город значительно пустел. На природе отмечали Семик, Троицу, Духов день, в большинстве своем утративших обрядовый смысл. Так, ранее 1860-х гг. из Иркутска в деревню перебрался праздник завивания березки в Семик [30, с. 16–17]. День Троицы уже в начале XIX в., по словам Е. А. Авдеевой-Полевой, «сделался народным гулянием» за городом, близ р. Ушаковки. В начале же XX в. «накануне Троицы все горожане несли с базара березки или свежие березовые веники. ...Много народа выезжало в лес. ...Праздники проходили весело» [1, с. 41; 28, с. 55].

К середине XIX в. Иркутск утратил своеобразие летних календарных игр. Ранее распространенная стрельба из луков по бабкам, занимавшая взрослых, в том числе и купцов с приказчиками, во второй половине XIX в. была предоставлена уже только детям. Почти забытыми оказались такие некогда публичные игры, как свайка, лапта, городки.

В малых городах губернии формы времяпрепровождения весенне-летних календарных праздников сохраняли обрядовость в большей степени. Как и в первой половине XIX в., молодежь водила хороводы; широкое бытование сохранял обряд завивания березки.

Среди народных календарных праздничных гуляний осеннего цикла особое место занимали «капустки», в 1870-х гг. еще бытовавшие (как правило, проходили в сентябре) в городах Иркутской губернии. Девицы или хозяйки приглашали подруг рубить капусту. Вечером после работы подавали чай и ужин, а затем начинались пляски и святочные игры. На «капустки» стремились

попасть молодые люди из мелких чиновников и мещан. Между канцеляристами и мещанами часто бывали столкновения, а иногда и «кулачные турниры» за право гостить в таком доме.

В целом вторая половина XIX в. стала периодом существенной переоценки горожанами значения отдельных праздников по сравнению с концом XVIII – началом XIX в. Развитие буржуазных отношений, влияние начальной урбанизации и индустриализации конца XIX – начала XX в. вызывали изменения в городской культуре, все более противостоящей деревенской. Четко прослеживаются два временных рубежа в общем ходе эволюции календарного праздника в общественном быту горожан Иркутской губернии: 1860-е гг. и начало 1880-х гг.

В ценностном восприятии горожан падало значение той группы праздников, в основе которых наиболее ярко прослеживалась связь с земледельческим календарем. С другой стороны, расширялось бытование исключительно светских календарных праздников, в первую очередь Нового года.

Важным моментом являлась трансформация самих форм праздничного времяпрепровождения. Из общественного быта горожан уходили календарные традиционные игры; падало ритуально-магическое значение обрядов и обычаев, снижалась их роль и объем в структуре праздника. Отмечено увеличение доли исключительно светских мероприятий (балы, концерты, театральные постановки), не имевших строгой обрядовой принадлежности к определенному празднику. Элементом зарождающейся массовой городской праздничной культуры становятся народные общественные гуляния на площади. Вторая половина XIX в. стала периодом активного развития площадного зрелищного искусства (главным образом, в Иркутске). Начало этому процессу положили балаганские представления 1860-х гг. Пространственная среда праздника приобретала черты полицентричности. Наряду с городской площадью все большую роль играли общественные собрания и клубы. Характерной чертой периода явилось оформление (с 1860-х гг.) частнопредпринимательского сектора, подходящего к устройству городских общественных развлечений на основе буржуазных принципов. Следует отметить активное внедрение профессионального искусства в пространство общественно-досуговой части календарных праздников и рост мероприятий, обслуживаемых им. В то же время профессиональное искусство вышло за пределы праздничной культуры элиты городского общества и внедрялось в формирующуюся массовую культуру.

Особенностью развития общественного досуга стало появление развлекательно-увеселительных форм, вызванных реализацией общественных инициатив. Организуемые общественными объединениями праздничные мероприятия носили благотворительный и культурно-просветительный характер.

Одной из главных тенденций изменения характера участия населения городов Иркутской губернии в народных календарных праздниках выступало активное социальное расслоение в сфере потребления форм праздничного досуга, постепенная утрата коллективного начала праздничных общественных гуляний. В основе трансформации лежал показательный для капитализма процесс, охарактеризованный отечественными исследователями как резкая, отчетливая дифференциация городской культуры по социальным носителям, ее глу-

бокое ранжирование и функционирование на каждом уровне, ее заметная многоуровневость в качестве социально-культурного феномена и формирование на различных уровнях определенных субкультур [8, с. 148; 9, с. 42; 24, с. 10].

Больше всего к вариантам праздничного общественного досуга иркутян приближались жители Нижнеудинска, Киренска, частично Балаганска. Население Илимска и Верхоленска в сильной степени испытывало влияние традиционных, свойственных деревенским, форм праздника.

Список литературы

1. *Авдеева-Полевая Е.* Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей. – Иркутск, 1990. – С. 7–125.
2. *Антонов К. А.* Памятная с 1867 года // Летопись города Иркутска XVII–XIX веков. – Иркутск, 1996. – С. 231–262.
3. *Вагин В. И.* Сороковые годы в Иркутске // Записки иркутских жителей. – Иркутск, 1990. – С. 449–483.
4. *Гаврилова Н. И.* Динамика праздничного досуга горожан Иркутской губернии 2-й половины XIX в.: государственные и церковно-приходские праздники (к вопросу о модернизационных процессах в культурно-бытовой сфере сибирского города периода капитализма) // Изв. ИГУ. Сер. История. – 2015. – № 12.
5. *Гаврилова Н. И.* Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в.: монография / Н. И. Гаврилова. – Иркутск : Оттиск, 2014.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.
7. ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 99. Л. 2.
8. *Девятков А. П.* Город как культурно-исторический феномен : дис. ... канд. филол. наук / А. П. Девятков. – Тюмень, 1986.
9. *Зорин А. Н.* Русский город в Казанском Поволжье. Опыт регионального и историко-этнографического исследования : науч. доклад на соиск. учен. ст. д-ра ист. наук / А. Н. Зорин. – М., 1992.
10. Иркутские епархиальные ведомости. – 1863. – № 1; 1877. – № 3; 1881. – № 2; 1888. – № 1.
11. Иркутские епархиальные ведомости. – 1869. – № 12.
12. *Конечный А. М.* Петербургские народные гуляния на масленой и пасхальной неделях // Петербург и губерния: историко-этнографические исследования / А. М. Конечный. – М., 1989.
13. *Куприянов А. И.* Общественный быт горожан Западной Сибири. 1800–1861 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. И. Куприянов. – Новосибирск, 1987.
14. *Куприянов А. И.* Праздничные общественные обряды и развлечения городского населения Западной Сибири в 1-й половине XIX в. // Традиционные обряды и искусство русского и коренного народа Сибири : сб. науч. тр. – Новосибирск, 1987.
15. *Куприянов А. И.* Русский город в 1-й половине XIX в.: общественный быт и культура горожан Западной Сибири / А. И. Куприянов. – М., 1995.
16. *Маляревский П. Г.* Очерк из истории театральной культуры в Сибири / П. Г. Маляревский. – Иркутск, 1957.
17. *Матханова Н. П.* Михаил Семенович Корсаков // Земля иркутская. – 1998. – № 10.
18. *Мокеев Н.* Пасхальные увеселения в Иркутске // Сиб. архив. – 1912. – № 6.
19. *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX веков / А. Ф. Некрылова. – Л., 1988.
20. *Обручев В.* В старой Сибири / В. Обручев. – Иркутск, 1958.

21. *Оглезнева Г. В.* Культурная жизнь уездных городов Иркутской губернии во 2-й половине XIX – начале XX веков / Г. В. Оглезнева, С. В. Дорош // Сибирский город в XVIII – начале XX веков : межвуз. сб. – Иркутск, 1998. – Вып. 1.
22. *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы. Записки редактора / И. И. Попов. – Иркутск, 1989.
23. РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 44.
24. *Резун Д. Я.* Новации и традиции в городской культуре Сибири XVII – начала XX веков // Духовная культура народов Сибири: традиции и новации : сб. науч. тр. – Новосибирск, 2001.
25. *Романов Н. С.* Иркутская летопись. 1857–1880 годы / Н. С. Романов. – Иркутск, 1914.
26. Сибирь. – 1911. – № 6.
27. *Скубневский В. А.* Купечество Алтая. Вторая половина XIX – начала XX веков / В. А. Скубневский, А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. – Барнаул, 2001.
28. *Тамм Л. И.* Записки иркутянки / Л. И. Тамм. – Иркутск, 2001.
29. *Шевырев А. П.* Культурная среда столичного города: Петербург и Москва // Очерки русской культуры XIX в. – М., 1998. – Т. 1. Общественно-культурная среда.
30. *Щукин Н.* Народные увеселения в Иркутской губернии / Н. Щукин. – СПб., 1869.

Dynamics of Town Dwellers' Leisure Activities in Irkutsk Governorate in the Second Half of the XIXth Century: Traditional Public Official Holidays

N. I. Gavrilova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

Abstract. The article concerns the processes of modernization and transformation of town dwellers' leisure activities in Irkutsk governorate in the second half of the XIXth century. The author analyzes details of traditional public holidays in different social environments.

Keywords: leisure activities, holiday, modernization, towns of Irkutsk governorate.

Гаврилова Наталья Игоревна

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник;
доцент, кафедра социологии
и социальной работы
Музей истории города Иркутска
им. А. М. Сибирякова
664007, г. Иркутск, ул. Франк-
Каменецкого, 16 «А»
Иркутский национальный исследователь-
ский технический университет
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83
тел.: 8(3952) 42-62-51
e-mail: nig2312@yandex.ru*

Gavrilova Natalya Igorevna

*Candidate of Sciences (History), Senior
Research Associate; Associate Professor,
Department of Sociology and Social Work
A. M. Sibiriyakov Museum of History
of Irkutsk
16 «A», Frank-Kamenetskii, Irkutsk, 664007
Irkutsk National Research Technical
University
83, Lermontov st., Irkutsk, 664074
tel.: 8(3952) 42-62-51
e-mail: nig2312@yandex.ru*